

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

значение этого факта — приобщения Ляо Чжая к русской литературе. Русский читатель получил новый богатый подарок. Повести Ляо Чжая для него, прежде всего, любопытнейшие этнографические очерки — рассказы, в которых собрано и порядком принятым В. М. Алексеевым, даже до известной степени систематизировано огромное количество чисто этнографического материала. Из повестей Ляо Чжая на нас смотрит, прежде всего, сам быт — простой, народный, неприкрашенный; мы узнаем и о моральном облике китайца тех времен; и, наконец, повесть Ляо Чжая — неистощимая сокровищница китайских народных верований. Эта сторона повестей достойна самого глубокого внимания и ждет своего исследователя-этнографа. Но для русского читателя повести Ляо Чжая — не только этнография. Он может оценить их не только с точки зрения любопытной экзотики или пособия при изучении китайского быта. Повесть Ляо Чжая в русской оболочке В. М. Алексеева — несомненная литературная ценность, независимая от своего китайского происхождения. Автор и его русский интерпретатор создали род новелл — отчасти фантастических, отчасти бытовых, отчасти критически-поучительных, отчасти иронических, и притом новелл определенно художественных: рассказ Ляо Чжая не вульгарный анекдот со скабресным оттенком, но изящное произведение. Вопросы о порнографичности для Ляо Чжая не существуют, как правильно отмечает и переводчик: у Ляо Чжая нет того смакования голого тела и адюльтерного момента, какое развито во многих произведениях европейской литературы и которое единственно и дает порнографию. Всякий сюжет Ляо Чжая — во всех его моментах — художественно оправдан культурностью автора и литературностью формы. Фантастическая художественная новелла — вот что дал Ляо Чжай в искусных руках его переводчика.

Таков труд В. М. Алексеева как в его внутреннем значении, так и в объективных результатах. И закончить приходится тем же, чем и начата эта рецензия: перевод Ляо Чжая, сделанный В. М. Алексеевым, нельзя рассматривать только с одной стороны — исключительно литературной; его отношение к своей задаче, характер проделанной работы и, наконец, сама задача — дать перевод этого нелепого и своеобразного текста, все это ставляет видет в этих двух томах новое изумительное достижение нашего сиолога. Высота этого достижения стала бы еще более ясной, если бы попытались сопоставить то, что дал В. М. Алексеев

с образчиками переводов повестей Ляо Чжая другими русскими и иностранными китаеведами. Нужно сказать прямо: все те критерии, с которыми подходишь к труду В. М. Алексеева, отпадают при сопоставлении с работами его русских предшественников. Там приходится говорить об очень несложных вещах: верен ли перевод или нет, правильно ли понял переводчик текст или нет. Этот вопрос по отношению к В. М. Алексееву, собственно говоря, не приходится даже и ставить, так как возможные всегда частичные отклонения от дословного смысла или даже прямые упущения — не играют роля в общем масштабе его работы. Вот тон его переложения:

„Однажды студент за воротами мельком увидел ее. Ребенок — он хотя и не имел понятия, но почувствовал высочайшую степень любви“ (дословная подстановка русских слов под китайские).

„Однажды наш студент заметил ее у ворот дома. Хотя это было всего только одно мгновение и хотя он, как ребенок, ничего еще не понимал, все-таки он ясно почувствовал, что полюбил ее до бесконечности“ (перевод В. М. Алексеева. М. В., стр. 121).

При сравнении же его труда с переводами зап. европейских сиологов приходится признать одно: все они пошли по линии наименьшего сопротивления, перенесли Ляо Чжая в плоскость исключительно занимательного рассказа с экзотическим содержанием и снабдили его при этом очень часто абсолютно чуждой ему цветистостью. Вот, напр.:

„Наслаждение еще не закончилось...“ (дословная подстановка).

„Не кончив еще своего наслаждения...“ (перевод В. М. Алексеева. М. В., стр. 15).

„Während sie nun in inniger Gemeinschaft beieinander waren und die Lust sie, wie eine Ewigkeit umfing...“ (перевод М. Бубер. „Chinesische Geister und Liebesgeschichten“, стр. 3).

В. М. Алексеев освобождает Ляо Чжая от всякого привкуса нарочитой „китайщины“, оставляя его только китайцем.

Ясно и еще одно обстоятельство: эта фантастическая художественная новелла предъявляет особые требования к читателю: последний обязан равняться по автору, как равнялся по нем переводчик. Необходимо уметь видеть „Сяошо“ повестей Ляо Чжая сквозь призму его „Явэнь“.

Н. Конрад.

◆ П. В. Шкуркин, д. чл. О-ва Русск. Ориенталистов, преподаватель харбинских коммерческих училищ. Справочник по истории стран Даль-

него Востока. Ч. I. Китай. Полные хронологические таблицы императорской линии Совств. Китая, с указанием важнейших моментов китайской и всеобщей истории. Приложение: Исторические таблицы Китая. — Чжун Го Шицзянь (кит. перев.). — A Reference Book of the history of the Far Eastern Kingdoms... A Complete Chronological Table of the Imperial leniage (!) of China Proper and presentiny (!) Important Episodes of China With General History, and History (!) cal Tables. — Харбин, 1918.

◆ Вып. II (не получен): Монголия и таблицы владений, входивших когда-либо или после вошедших в состав Китая юго-зап., тюркских, монгольских, а также династий, не признанных китайской историей (как не объединивших весь Китай), напр., Ляо и Цзинь.

◆ Вып. III (не получен): Таблицы важнейших удельных княжеств Китая.

◆ Вып. IV (не получен): Таблицы Кореи, Чао Сянго, Бо Цзи, Синь Ло, Бо Хая.

◆ Вып. V. Таблицы Аннама.

◆ Вып. VI. Япония.

Русский китаист, а тем более интересующийся Китаем без знания языка (или до овладения им), поставлен по сравнению с иностранцем такого же рода занятий в исключительно невыгодное положение. Грамматика письменного китайского языка отстала на сто лет, да и недоступна, как библиографическая редкость; словарь отстал на 35 лет и тоже редкость, не замещенная его подозрительной переделкой; исторические очерки не заслуживают внимания, и т. д. В частности, справочные пособия биографические, библиографические, общен исторические — вовсе отсутствуют. С этой стороны нужно отметить всякое в этой области начинание, так что, несмотря на устаревшую дату 1918 г. (книга попала в Ленинград только сейчас), и это пособие, как редкость в русской синологической литературе, заслуживает быть так или иначе рецензированным.

Задания составителя, столь обильно намеченные им в непомерно разросшемся заглавии книги, с большим подъемом и большою подробностью излагаются в предисловии. Оказывается, то обстоятельство, что на русском языке вообще нет справочника, нужного всем когда-либо имевшим дело с историей Китая, не являлось для составителя решающим. Он пришел к мысли об издании своей книги, найдя существующие слишком односторонними. Они являются, говорит Ш., „простыми хронологическими таблицами только правителей, но не народа или государства“. Они не освещают

связи данного правителя, династии или владения с другими. А главное, они не дают указаний на соответствующие события всеобщей истории. Чтобы избежать этих недостатков, составитель желал дать, с одной стороны, „точную, сухую, так сказать, административную (!) справку“, а с другой — иллюстрировать ее особыми „историческими таблицами“, заимствованными по идее „у китайцев“.

Повидимому, идея, прельщавшая составителя, вращалась, главным образом, около иллюстрации китайских событий событиями мировой истории, которые представлялись ему „важными для решения исторических, географических, этнографических, религиозных, культурных и тому подобных вопросов далекого прошлого и дающими ясное представление об одновременности эпох“. Это нагромождение задач, вряд ли логически между собою связанных, разрешается, однако, довольно просто. Так, для первой, мифической эпохи китайской истории, не имеющей, как таблицы, конечно, никакого научного значения и вообще смысла, „соответствующими событиями всеобщей истории“ являются: исчезновения материков Гондваны и Лемурии гибель Атлантиды и т. д. Поучительность подобных сопоставлений очевидна не всякому.

Но и в более исторические времена эти сопоставления обладают не большею поучительностью. Так, на стр. 63 читаем синхроническую линию „всеобщей истории“: „Хорватское уложение. Изобретение очков. А. де Спиноза. Попытка шведов укрепиться на южном берегу Финского залива. Данте Алигьери“ и т. д. Как при помощи этих важных сведений решить „культурные, этнографические, религиозные“ и т. д. задачи, представляющиеся историку, неясно.

Книги, служившие составителю источниками, им перечислены во введении, однако, не говоря уже о крайней небрежности некоторых обозначений, как, например: Chronological Tables of the Chinese Dynasties, Th. Wong (prof. Li-man), — Древняя ист. Китая (записки) проф. А. (!) Позднеева и т. п., — упущение таких пособий, как: Faber, Chron. Handbook of the History of China, Sh., 1902, а главное, капитального труда Хуана (Concordances des dates Néoméniques), лишающего a priori вновь составленный справочник какого-либо значения.

Неудивительно, поэтому, что составитель, незнакомый с европейскою наукою, о которой пишет в поучение другим, допускает фразы XVII века, в роде: „по мнению китайцев, он был сыном Люй Бузвя“, „по китайским данным рождение Иисуса Христа было на

четвертый день праздника дунджи в местности Дзя" и т. п.

„Знаменитому ученому Оуан Сю“ приписывается сентенция: „Кун-цзы в Чуньцзю считает выбор названий для новой эры при воцарении государя обстоятельством весьма значительным“. Это „значительное обстоятельство“ при Кун-цзы (Конфуции), как известно, не имело еще места. Далее, оказывается, что „с 1520 г. по рождество Хр. вместо статуи Конфуция ставят дощечки с его именем“. Однако на родине Конфуция, в Цюйфу, и посейчас можно видеть его статую, а не таблицу. Таких неудачных и неверных показаний очень много, и это вовсе не рекомендует составителя, как синолога. Однако он о себе думает иначе и, наоборот, сильно выговаривает „западным синологам“ за их „дурную привычку, смешивать имя императора с обозначением его эры (няньхао). Подобные „западные синологи“ бывают лишь в течение первого месяца своей „синологии“. Очень скучно перечислять подобные наивности, которые в 1918 г. опоздали на три столетия.

Не говоря уже о противоречиях, встречающихся едва ли не на каждой странице книги, и оплошностях в датах, транскрипция китайских имен столь невероятно небрежна, что книга выглядит как первая печатная корректура с неразборчивой рукописи, с которой корректор ничего не мог поделать. И это не опечатки, а самоуверенное незнание, ибо принять ю за ч ж э, цян за ч а н, хэн за с я н и т. д. никакой наборщик не может.

Таким образом, сложная техника печатания справочного руководства, столь важного нам и нужного, — техника, недоступная Ленинграду, произвела пособие, пользоваться которым нужно всесчески отсоветовать.

В. А.

◆ *Y. P. Tsai, Ancien Ministre de l'Instruction Publique en Chine, Recteur de l'Université de Pékin. — La Renaissance de la Chine. — Revue Bleue, № 3; Paris, 1924. — „Китайское Возрождение“.*

Многим из нас памятно, с какою трудностью, с какими кошмарными недоразумениями проникал в Китай европейский прогресс. Стоит только вспомнить о войне из-за опиума, Тяньцзиньскую резню, боксерское восстание, чтобы видеть ясно картину китайского сопротивления проникновению в их страну европейцев, от которых они, в горделивом самолюбии, старательно отмежевывались.

С наступлением так называемого „Китайского Возрождения“, о котором ста-

раются во всех странах много и подробно говорить американизованные китайцы, захватившие в свои руки центральную власть, мы видим как раз обратное: китайцы, особенно в лице своей разговорчивой так называемой „новой“ молодежи и ее приспешников, усиленно присосеживаются к европейскому прогрессу и равняются по Европе. „В настоящий момент, — говорит рассматриваемая статья, — китайская интеллигенция, коммерсанты, промышленники, одним словом, все — стараются внести в Китай западные идеи и пересмотреть, углубить с помощью современных методов китайские старые учения и искусства, согласуя их с нуждами нашего времени“.

Китаеведы Европы, исходя из чувства пропорций и зависимостей, выработанных в них долгими усилиями, с которыми связано понимание Китая, отнеслись к этому натиску более или менее сдержанно, предпочитая выжидать результатов „литературной революции“, стоящей в центре всего движения; но раз в общедоступном журнале появляется статья о нем, принадлежащая авторитетнейшему деятелю китайского просвещения, на ней можно и должно сосредоточить пристальное внимание, изучая в конденсированном и ясном виде то, что доходит, особенно до русских ученых, только в односторонних обрывках. Ввиду важности этой, небольшой размерами, статьи, рецензия на нее превзойдет обычные рамки и рассматривает ее положения со всею возможною тщательностью.

Автор статьи, ректор Пекинского университета, Цай Юаньпэй родился в 1868 году. Он принадлежит по своему образованию к высшему типу китайских ученых, ибо уже 24 лет от роду он получил звание ханьлин (академика истории и литературы). Как революционный лидер, он должен был бежать из Китая и воспользовался временем 1904—1911 г.г., чтобы учиться в Гейдельберге и Париже. С установлением республики в 1912 г. Цай сделался первым республиканским министром народного просвещения, но в следующем году он от своего поста отказывается и снова едет в Париж учиться. В 1916 г. его снова призывают в Китай и вручают ему пост ректора Пекинского университета, на котором он проявил необычайную деятельность, придав этому первому по значению просветительному центру характер европейской школы, и выдержал для этого борьбу со значительною оппозицией, о которой китайский биографический справочник (*Who's Who in China, 1920*) говорит глухо.